

Лю Чженцзе изначально был специалистом по криминальным делам. Увидев, что в последнее время в столице собиралось все больше и больше людей из разных религий и школ, он не только следил за ними но и лично забрал Маньнян и Чана и отправил их из столицы двумя способами. Неожиданно, ночью второго дня, госпожа Лю в спешке приехала в маленьком паланкине и, когда они встретились с Минлань, призналась, что они виноваты и повозку Чана ограбили.

Минлань была ошеломлена.

— Как это случилось?

— Господин даже не подумал, что такое может случиться. Он сказал, что, похоже, в этот раз гуси охотились за гусями! — Госпоже Лю было стыдно, у неё был сильный сычуаньский акцент. На ней была накидка цвета охры с красными тыквами, расшитую серебряными нитями. Бежевое нижнее платье отлично сочеталось с ней.

— Вчера господин выслал Чана, а затем прогнал эту женщину, и перед этим навел страх на людей, сказав, что если он увидит, как она снова придет в столицу, то она будет отправлена на границу, чтобы стать там чернорабочей. Женщина несколько раз ответила: «Да, я не посмею», развернулась и убежала, — Госпожа Лю понизила голос и слегка наклонилась вперед. — На самом деле, согласно принципам моей семьи, на этот раз эта женщина должна была разозлиться, и проблема была бы решена раз и навсегда, но...

— Всё в порядке, — Минлань махнула рукой.

Семья Лю и так тщательно подошла к решению деда Маньнян. То, что случилось, было странным. Гу Тинье и поместье хоу больше беспокоила судьба маленького мальчика. Ребёнок хоу... грубо говоря, если кто-то со злыми намерениями продает Чана или воспитывает его как бандита, в будущем это будет огромной скрытой опасностью.

— Что случилось с Чаном? — с тревогой спросила Минлань.

Госпожа Лю вытерла носовым платком пот со лба.

— Поскольку мне нужно было найти няню, чтобы та заботилась о нём всю дорогу, Чан уехал из города на полдня позже. Кто бы мог подумать, что такое случится на дороге вблизи столицы...

У подножия горы Юньшань внезапно выскочила группа грабителей в масках, и без каких-либо объяснений они подошли и напали. Когда обе стороны дрались, воровка, которая пряталась за

спинами бандитов, внезапно отвела лошадь в сторону от повозки, сбила женщину-няню палкой, а затем схватила ребёнка, села на лошадь и уехала. Охранники, которые их сопровождали, убили большую часть грабителей. Допросив двух выживших, они узнали, что те принадлежали к Банде Мандрилов. Как правило, такие люди не осмеливались буяннить так близко к императору без чьей-либо поддержки.

Минлань какое-то время провела в оцепенении, у ней было смутное представление о личности воровки.

Честно говоря, с первой встречи в поместье семьи Ю она ни разу не недооценивала эту, казалось бы, неприметную женщину. Однако она всё же не ожидала, что она совершит подобное. Всё же она недооценила её. Эта странная женщина, оказывается, умеет не только петь и играть, но она еще и способна связаться с бандитами.

Нужно будет разобраться с ней раз и навсегда, когда они встретятся у следующий раз. Иначе Маньян может устроить слишком много проблем.

Минлань закусила губу, но все же спросила:

— Господин Лю сможет узнать, кто нанял бандитов?

Госпожа Лю тяжело вздохнула, её брови были нахмурены, и она выглядела еще более старой и грубой из-за этого.

— Их сразу спросили об этом, и выжившие сразу же указали. Среди мертвых тел на земле был старший брат той женщины!

— Брат Маньян? — тихо спросила Минлань.

— Я слышала, что её старший брат в последние несколько лет жил в районе Чжили и был связан со множеством бездельников, — хлопнула в ладоши госпожа Лю. — Несколько человек сказали, что их обманули. Ее старший брат сказал, что его сестра принадлежит к какой-то большой семье.

В боковой комнате старшая служанка Цуй была невероятно зла.

Минлань насмешливо приподняла уголки губ:

— Это утверждение верное.

— Воровка в маске, которая пряталась за спинами разбойников — это Маньян, — рассмеявшись, объяснила госпожа Лю. — Сначала солдаты хотели пустить стрелы вслед, чтобы

остановить их, но Чан тоже был на лошади. Им пришлось беспомощно смотреть, как они уезжают, ведь лошадей больше не было.

Минлань немного помолчала, прежде чем сказать:

— Неудивительно, что сопровождающие не смогли ничего сделать, они не знали, что маленькая женщина будет такой дерзкой. Я не знаю, ранены ли они?

Изначально господину Лю было приказано только отослать их, но он даже выдал охрану. Кто же знал, что их застанут врасплох?

Госпожа Лю быстро замахала руками и покачала головой.

— Их раны не опасны для жизни. Но воров было очень много, поэтому мы упустили Чана.

Минлань почувствовала облегчение и сказала, что хочет дать охранникам немного денег и лекарства для их ран, чтобы показать свою признательность. Госпожа Лю сначала отказалась, но не выдержала уговоров Минлань и всё же согласилась принять вещи.

Они поговорили ещё немного, обсуждая детали, и госпожа Лю не смогла не вздохнуть.

— Не подумайте, я не пытаюсь оправдаться... но кто бы мог подумать, что женщина, которая выглядела худой и беспомощной, способна на подобное? Она выглядела напуганной, когда уходила, но даже осмелилась найти своего брата и связаться с разбойниками! Это действительно потрясающе.

Госпожа Лю была старше своего мужа, у неё был лишь зять, поэтому об этом деле она спрашивала очень осторожно. Когда она впервые услышала о Маньян, то втайне обвинила Минлань в том, что она не в состоянии вынести даже одного ребёнка. Ни один высокопоставленный чиновник не будет иметь лишь трех жен и четырех наложниц. Как правило, у них очень много наложниц. Но, столкнувшись с этой ситуацией, она поняла, что подобные мать и сын действительно не могут оставаться в семье.

— Их сообщники — все «способные люди» из Лиюаня. Есть более одного или двух мошенников на их стороне, — Минлань скривила губы. — Первым, кем она воспользовалась, был её дорогой брат.

— Эта женщина действительно жестока, когда ее брата зарубили ножом, он громко позвал «сестра», она даже не оглянулась, пока убегала, — в шоке произнесла госпожа Лю. — По словам моего мужа, она намеренно использовала этих преступников в качестве живого щита, потому что боялась, что что-то останется в качестве улики и её смогут найти.

— Куда направились мать и сын, есть ли у господина Лю какие-нибудь зацепки?

— Покинув горный перевал Фэнъюнь, вы можете идти с востока на запад, с севера на юг, и вы можете идти во всех направлениях, — госпожа Лю неловко улыбнулась. — Я действительно не могу понять, куда идут мать и ребенок. Кроме того, э-э, теперь столица... не может отпускать людей на поиски...

Минлань взяла её за руку и тихо сказала:

— Сестра, вам не нужно объяснять, я знаю трудности господина Лю, мне только жаль этого ребенка, в таком юном возрасте он стабильно жил всего несколько лет, я не знаю, не знаю, куда он теперь пойдет и что с ним будет.

Госпожа Лю рано воспитала своих детей, а еще она была любящей матерью. Услышав это, она глубоко вздохнула, легонько похлопала Минлань по руке и сказала:

— Не переживай об этом, сестра. Разве у такой порочной женщины может родиться хороший ребёнок? Боюсь, его судьба была предрешена. Хоу и его жена оба добрые люди с искренним сердцем, и они не могли совершить безобразный поступок, и давали им шансы снова и снова. Вероятно, этот ребёнок нагрешил в прошлых жизнях, поэтому он никого не может винить за то, что у него такая мать.

Разве она не совершенствовалась в прошлой жизни?..

Минлань была в растерянности. На самом деле у Чана было много шансов изменить свою судьбу, но, к сожалению, он все их упустил.

«Что касается меня, я бы никогда не смогла взять на себя эту горячую картошку и скрывать все, что связано с Чаном так долго, как получится».

Гу Тинье, по своему раннему опыту, всегда думал, что если ребёнок останется рядом с матерью, она позаботится о нём более или менее должным образом, и это лучше, чем оставить его кому-то, кого он никогда не встречал; более того, он заботился о нём: он выделил дом и даже готов был устроить ему будущее, хоть и не такое блестящее, какое ждало бы его в поместье хоу. Он не хотел, чтобы Минлань беспокоилась за своего сына.

Что касается Маньнян то она странная штука, которую трудно будет понять и через сто лет: она могла бы сразу отказаться от Чана и прожить хорошую жизнь, став чьей-то женой, или просто хорошо воспитывать его и жить спокойно, но она отказалась сдаваться и отказываться от Гу Тинье из-за своего заблуждения.

По какой-то причине, с тех пор как она стала матерью, сердце Минлань все больше и больше смягчалось. В прошлом она отворачивалась от многих трагических случаев, но теперь она не могла видеть, как страдают невинные дети.

Отпустив госпожу Лю, Минлань позвала Жун, и, отпустив всех, она рассказала ей подробности дела и вздохнула:

— Ох, теперь никто не знает, куда они пошли.

Жун опустила голову и крепко сцепила руки. Её глаза были красными и опухшими. Она, казалось, похудела за последние несколько дней. Она не ответила на слова Минлань и просто молча сидела на круглом табурете перед кроватью, глубоко впиваясь ногтями в ладонь.

Некоторое время они молчали, и Минлань уже собиралась сказать ей, чтобы она возвращалась, когда Жун внезапно сказала:

— Спасибо, мама.

Голос её был сильно охрипшим, и Минлань слегка опешила.

Жун слегка вытерла нос носовым платком и сказала тихим голосом:

— Спасибо, мама, за беспокойство о брате Чане и за то, что хотела доверить кормилице Чан позаботиться о нём. С тех пор... с тех пор, как я узнала об этом, я очень благодарна... Я думаю, что кормилица Чан прямолинейная и честная, брат был бы счастлив с ней. Это было бы большое благословение — иметь возможность учиться и совершенствоваться вместе с братом Нянем. Кто знал, что за те несколько лет, что я не видела его, брат Чан станет таким порочным. Он никого не слушает, кроме... кроме своей матери...

Вспоминая сцену, когда она увидела брата в тот день, она подумала, что родные сестра и брат были как чужие люди. На ее глаза навернулись слезы, а на сердце стало больно:

— Я умоляла мою мать согласиться на это предложение и уговорить моего брата поехать в Дом семьи Чан. Но теперь я думаю, что если бы он отправился туда, кормилица Чан сильно бы устала, и он задерживал бы учёбу няня, который готовится к экзамену... Кто знал... что тогда она не только откажется, но и... отругает меня... и ещё...

Она не могла произнести вторую половину предложения, но ее биологическая мать попросила ее попросить Минлань позволить брату Чану остаться в поместье хоу.

— Но... но... я сказала, что главная госпожа не согласится...

После того, как она общалась с мачехой в течение этих лет, она знала, что Минлань была покладистой и нежной снаружи, но чрезвычайно решительной внутри.

«Ты бесполезна! Тогда заплачь, умоляй и ищи смерти! Ты теперь старшая госпожа поместья

хоу, неужели она посмеет смотреть, как ты умираешь! Это твой собственный брат, у тебя есть сердце, чтобы оставить его без имени?!»

Её биологическая мать была полна недобрых слов и расчетов, она то ласково уговаривала ее, то резко ругала, и открыто высказывала свои намерения. Видя это, Жун не могла произнести ни слова.

Она уже не невежественный ребенок, как ей не понимать таящихся в этом опасностей и связей, она не та, кто не знает собственного веса, и после всего лишь двух лет безбедной жизни, она не настолько самодовольна и невежественна, чтобы спутать небо и землю и нести бред, чтобы изменить мнение главной госпожи в важных вопросах.

Жун энергично покачала головой, стараясь не думать о пугающей ситуации в тот день, она посмотрела на Минлань и сказала дрожащим голосом:

— Мама, я действительно не понимаю, о чем думает та женщина, матери не всегда думают об их детях, но... Почему... почему... она должна уничтожить своего сына, прежде чем она сможет сдаться!

Она не могла больше этого выносить и, наконец, разрыдалась, тихонько всхлипывая, прикрывая лицо носовым платком.

Минлань вздохнула и погладила девочку по спине.

Думая с темной стороне, Маньян вообще не любила Чана, её сын был просто пешкой. Она использовала его по своему усмотрению; если подумать, Маньян утверждает, что любит своего сына, но она считает, что для ребенка хорошо тоже, что для неё.

Это как в каких-то дурацких драмах, где бедная девушка рождает ребенка для богатой семьи, но рождается двойня (девочки), и одну отдают в богатую семью, чтобы она была принцессой, а другая остается с матерью. Конечный результат... Э... это зависит от того, кто из них главный герой.

Дело все ещё не закончено, мать и ребенок бесследно исчезли, как бумажные змеи, развевающиеся на ветру. Минлань была несчастна несколько дней, пока Хуалань не пришла ее утешить.

— Ты глупый ребенок, такие вещи действительно неприятны! — у Хуалань всё ещё было светлое лицо, очаровательное и одухотворённое, она с улыбкой ткнула сестру в лоб. — Жалко видеть такого мягкосердечного человека, как ты, но видишь ли, я не вынесу, если еще и в твоём доме будет беспорядок. Оставь свои переживания, у того мальчишки есть мать, что тебе до того, хорошим ли будет его будущее!

Минлань опустила голову, погладила огромный живот и сказала тихим голосом:

— В последнее время я становлюсь все более и более осторожной, всегда боюсь, что, если я не поступлю хорошо, моим детям будет плохо в будущем.

Партийная активистка Яо Йийи раньше была убеждённой атеисткой и не оглядывалась на свое прошлое.

У Хуалань было большое сердце, но в этот раз она громко рассмеялась.

— В отношении богов и Будд вера должна быть ограничена, и ты не можешь заикливаться на этом. Поскольку твой муж сам решил, что не хочет принимать его в семью, можно радостно от него избавиться! Неужели ты так хочешь, чтобы твой муж взял его в поместье?!

— Этого нельзя делать, — решительно сказала Минлань, подняв голову, она выглядела как курица, защищающая цыпленка, и откровенно посмеивалась над собой. — Его жалко, но мать должна сначала защитить свою плоть и кровь, вдруг кто посмеет причинить вред моему ребенку? Я должна бороться с той женщиной изо всех сил!

Хуалань ущипнула девушку за щеку и с улыбкой сказала:

— Правильно!

Глядя на светлое и улыбающееся лицо старшей сестры, Минлань втайне вздохнула, что она мешает другим жить спокойно, поэтому сменила тему:

— Я слышала, что третья невестка беременна, и я только что послала немного рыбы, которую она любит поесть. Я не знаю, как она себя чувствует в последнее время.

С тех пор, как Ван Ши вернулась в свой родной город, чтобы отбывать наказание, Хуалань часто возвращалась в дом своей матери, чтобы заботиться о ней, опасаясь, что Лю Ши будет неудобно заниматься внутренним домом без подготовки.

— Брату и невестке повезло, на этот раз они очень хорошо ладят, хорошо едят и хорошо спят. Все как обычно.

Пока она говорила, Сяотао принесла из кухни кастрюлю свежееобжаренной чесночной фасоли, Хуалань нахмурилась и прикрыла нос, и её неожиданно вырвало.

Минлань нахмурилась и сказала:

— Разве это не любимая еда моей сестры по будням? Поэтому я подумала, почему бы и нет...

Для Хуалань еда в этот раз пахла отвратительно, поэтому ей пришлось попросить кухню, чтобы они поторопились и сделали новые закуски. Хуалань попросила тарелку с булочками с начинкой из бобовой пасты и тертыми медовыми яблоками.

Увидев, что Хуалань снова немного поправилась, Минлань игриво подмигнула:

— Может быть, у моей сестры тоже есть хорошая новость?

Хуалань вдруг засмеялась и отругала её:

— Что за ерунда, я уже в таком возрасте...

За последние несколько лет не было никаких беременностей, и она перестала об этом думать.

Услышав это, Минлань подумала, что есть много женщин среднего возраста, которые рожают детей. Опасаясь, что что-то может пойти не так, Минлань поспешно отправила Хуалань обратно в крытой повозке. Менее, чем через полдня от неё пришло сообщение, что она действительно беременна.

Цуичан, пришедшая сообщить новость, хлопнула в ладоши и улыбнулась:

— Госпожа сначала отказывалась в это верить, но все же поверила, хотя и только после того, как два лекаря сказали, что это точно беременность. Второй господин был так счастлив, что сделал ей воздушного змея.

Юань Веньшао приглянулся участок земли за пределами устья реки и он хотел купить его под конную ферму. Он уже попросил отпуск. Теперь, когда его любимая жена беременна, и лекарь сказал, что беременная женщина не молода, и что им следует быть осторожным везде, он решил переехать, ведь идея никуда не делась.

— Важно быть серьезным. У моего мужа большие амбиции, так что не беспокойтесь обо мне, — так сказала Хуалань.

Юань Веньшао, с другой стороны, вел себя как свинья из гонконгской драмы и сказал:

— Деньги бесконечны, самое главное, чтобы наша семья была счастливой и ребенок был в безопасности. Это важнее, чем заработать гору золота.

Хуалань кокетливо покраснела, ее большие глаза ласково сияли, она вспоминала прошлое.

Юань Веньшао ласково смотрел в ответ. По описанию эти двое, мужчина и женщина средних лет, которым в сумме было за семьдесят, были действительно пугающими.

Минлань легла на кровать и громко расхохоталась, недовольство последних нескольких дней развеялось.

Через несколько дней Ту Ху вернулся из-за города с людьми для ее охраны, и Минлань снова занялась делами, устраивая еду и ночлег во внешнем дворе и обсуждая с «боссом Ту», как разделить охрану на смены, каких охранников отправить к каким воротам, стенам и дворам.

Внутри все было хорошо заселено, а снаружи люди продолжали спрашивать о разных новостях: в столице действительно много подозрительных людей, перемещающихся небольшими группами, Лю Чженцзе все больше и больше раздражался, но ничего не мог разузнать. Ши Цян также был раздражён, поскольку пожилая пара, которая держала лавку, где он покупал для Сяотао фаршированные булочки, закрыла лавку и укрылась в сельской местности в доме своих предков.

Гу Тинди и его жена в четвертой семье были заняты уборкой магазина, их бизнес постепенно набирал обороты; жена Сюаня в пятой семье была занята тем, что показывала старшему сыну его будущую жену, и семья Фу отзывалась о нем очень положительно; Пожилая госпожа Цинь по-прежнему редко выходила из дома, поэтому невозможно было понять, что именно она замышляет; Третий пожилой господин все еще время от времени ходил пить вино; Фан Ши, бывшая госпожа Ю, по-прежнему каждые три дня ходила в поместье Тинвея; старший сын семьи Лян по-прежнему продолжал притворяться почтительным сыном...

Счастливые, грустные моменты, у каждого была своя жизнь, и не у всех был достаточный уровень политической осведомленности. Знаний Минлань хватило только на то, чтобы установить строгие запреты на вход и выход из поместья, поскольку она не могла проанализировать суть происходящего.

В это время погода день ото дня становилась все теплее, и всего за полмесяца ее живот раздулся, словно наполнился воздухом. Несколько женщин говорили, что приближается срок родов, и прежде чем Минлань привыкла к тяжелой фигуре, у Жуомей начались схватки.

К счастью, госпожа Вень и кормилица были подготовлены заранее, постелили постельное белье, кипятили воду и прокалили ножницы, все было сделано в установленном порядке. Минлань лично пошла сидеть в зале двора Гунсуня, и никто посмел ею пренебречь.

С полудня до полуночи крики Жуомей разносились по округе и, только когда Минлань второй раз проснулась (она задремала на мягком диване), служанка пришла сообщить, что Жуомей родила чрезвычайно толстого мальчика.

Минлань вытерла слюну и, отправившись к ней, собираясь утешить новоявленную мать, но увидела кормилицу, сидящую у кровати и держащую младенца в красном атласе, расшитом узором в виде золотых пионов.

Минлань наклонилась, чтобы посмотреть, гм, это действительно был жирный мальчик, особенно большой была его голова. Она села рядом с Жуомей и тихо сказала:

— Ребенок очень хороший, роды закончились хорошо. Ты сможешь положиться на него в будущем.

— Когда мой муж вернется, я умоляю главную госпожу сказать несколько слов, сказать, что мой сын родился... едва не забрав мою жизнь... Можете попросить его повысить мой статус?..

— голос Жуомей был немного хриплым из-за чрезмерного крика, она потянула Минлань за рукава и с нетерпением подняла глаза.

Минлань немного помолчала, затем вздохнула:

— Я скажу им, но в конце концов, это семейное дело, и это зависит от решений мужа и жены.

Закончив говорить, она осторожно убрала руки и, несмотря на то, что Жуомей была готова заплакать, попросила Сяотао помочь ей встать и отвернулась.

После того как Жуомэй родила, Минлань больше не навещала её, но попросила управляющую Ляо Юн позаботиться о ней. Нельзя было игнорировать расходы на еду и одежду.

Когда было празднование месяца со дня рождения ребенка, Минлань попросила служанок поставить два стола в маленьком дворике Гунсуня и попросила тех, кто был хорошими друзьями Жуомей, присоединиться к веселью и утешить ее.

Через три дня краткий отчет губернатора Шэньси и Ганьсу шокировал правительство и общественность.

Чтобы спасти своего отца, сын короля Цзеню, Цзогули устроил засаду на армию Шень Цунсина на равнине у реки Цинши. Из-за великой победы несколько дней назад армия Шеня была слишком расслабленной, а построение слишком длинным. Большинство генералов были самодовольны; один генерал был убит, король Цзеню был спасен, Шень Цунсин был серьезно ранен, вся армия была в хаосе, и бесчисленное количество офицеров и солдат было убито или ранено. Генерал Дуань Ченцян в настоящее время принял командование армией.

Была ещё одна история, Бо Тяньсюань недавно упал с лошади, и теперь он находится без сознания. Доверенные лица Бо, генерал Фу и генерал Ган, теперь командуют армией.

Об армии генерала Чжан, гун Ина, не было никаких новостей, поскольку они ушли глубоко в пастбища. Была ли армия полностью разбита, погибли они или в плену, никто не мог этого сказать.

Минлань посчитала на пальцах, и согласно графику путешествия, Шень Цунсин должен был попасть в засаду вскоре после победы. Так и произошло. В то же время старый Бо упал с лошади и был тяжело ранен. Точные новости о ее дорогом муже продолжали не поступать. Она была, словно в тумане.

Когда пришло известие, император был в ярости, поражен и взволнован. Согласно тому, что сказал Шени Хун, по сравнению с тем, когда пришло известие о поражении гун Ина, он казался действительно встревоженным в данный момент. Императрица и младшая Шень Ши плакали, пока не потеряли сознание, Чжан Ши немного опоздала, и, чтобы позаботиться о эмоциях толпы, она также была «взволнована и больна» через полдня.

Жена Бо сказала, что ей так грустно, что она решила поехать в деревню в пригороде столицы, чтобы выздороветь и избавиться от страха перед смертью.

В том году Бо подхватил сильную простуду, и императорский лекарь сказал, что это опасно. Госпожа Бо спокойно погладила постель своего мужа и сказала: «Идите, не ждите меня, я могу найти вас».

Старый Бо был в ярости, кричал: «Бессердечная сука, я просто так не умру». Он так вышел из себя, что заболел ещё сильнее.

Когда Гу Тинье рассказывал эту историю, он был очарован.

Иными словами, происходило что-то странное.

Военные офицеры просили подкрепления, чтобы идти вперед; меморандумы государственных служащих были подобны дождю, некоторые генералы, обвинявшиеся в военной халатности, просили императора строго наказать их или просили тяжелораненого Бо вернуться в столицу, и снова медленно обсудить план; Чайханы и рестораны также были полны дискуссий, ругающих Шеня, Чжана и Гу за их некомпетентность, или тихо обсуждающих неведомую занятость людей и поспешное использование войск — столица вдруг погрузилась в странный шум.

Минлань молчала.

В следующие несколько дней её тело было настолько истощено, что она не могла даже набраться сил, чтобы дразнить своего сына, поэтому она могла только сидеть и смотреть, как Сянь терпеливо и мягко учит маленького толстяка говорить, а Жун сидела, тихо наблюдая, с глазами, полными тоски.

Когда она проснулась в тот день, Сяотао помогла ей медленно сесть, Цуйвей вошла с дымящимся медным тазом, с улыбкой вытерла её мокрым полотенце и сказала:

— Сегодня утром я ходила к Жуомей, и она выглядела намного лучше, хотя её ребёнок явно будет толстым.

Минлань с трудом встала, опираясь о край кровати, надела одежду с весенними узорами, и медленно подошла к окну, приоткрыла его и высунула руку. На тыльную сторону ладони упало несколько мелких капель дождя, холодный весенний ветерок влетел внутрь.

— Сегодня на улице немного холодно, главная госпожа, оденьтесь теплее, — Цуйвей выжала полотенце.

— Я ненавижу дождливые дни, — пробормотала Минлань. Закатив глаза, она нахально продолжила:

— Поспим ещё немного.

Затем она извиваясь, как толстый пингвин, подобралась поближе к кровати.

Цуйвей была раздражена и весела, и положила мокрое полотенце ей на руку.

— Главная госпожа, вы можете поспать еще, если хотите, но хоть лицо хорошо умойте и вымойте руки, а потом ложитесь спать, поев с каши и супа. Если вы не голодны, то ребёнок в вашем животе точно голоден.

Минлань медленно вытерла руки, вернула полотенце и собиралась сказать: «Сегодня я хочу есть молоко и сладкие пирожные», как вдруг снаружи в спешке ворвалась Люйчжи:

— Главная госпожа, главная госпожа! Кто-то пришел из дворца и сказал, что хочет, чтобы госпожа отправилась во дворец.

Полотенце выпало из рук Цуйвей и упало в таз, разбрызгав вокруг воду. Брызги падали на алый толстый бархатный ковер, окрашивая его зловещими пятнами, черными...

Самой спокойной была Сяотао, потому что она не понимала, что с этим что-то не так.

— Переоденьте меня, — понизив голос, приказала Минлань.

— Люйчжи подошла на шаг ближе:

— Главная госпожа, снаружи...

Минлань собралась с духом и сначала спросила:

— Это явный указ или устный указ?

Лужи немного смутилась, повернула голову, чтобы подумать, и тут же сказала:

— Это был устный приказ.

— Прикажете управляющему Хао собрать всех в передней на чай, и подождать немного. Передайте, что в последнее время я плохо себя чувствую, поэтому только встала и одеваюсь, — лаконично приказала Минлань.

Люйчжи кивнула и уже собиралась выйти, но Минлань добавила:

— Иди вместе с Сяхе, у вас хорошее зрение. Посмотрите нет ли среди них людей императрицы.

Люйчжи была бдительна и сообразительна, и, почуяв срочность дела, кивнув, поспешно выбежала.

Минлань глубоко вздохнула, выпрямилась и раскрыла руки, чтобы позволить кому-нибудь помочь ей одеться и расчесать волосы; Сяотао изо всех сил пыталась надеть туфли на ноги Минлань, Цуйвей дрожащим голосом сказала, завязывая пояс:

— Главная госпожа, вам скоро рожать, ребенок может родиться в любой день, почему дворец требует, чтобы вы пришли? Если что-то пойдет не так...

«Ну, может, ребенок родиться во дворце», — подумала Минлань. Тонкий пот выступил на её лбу.

— Может ли быть, что хоу вернулся с победой? Или наоборот...

Минлань медленно покачала головой:

— Не стоит пугаться понапрасну.

Хотя императрица во многих отношениях ненадежна, она действительно добрая и нежная. В прошлый раз, поскольку она была беременна жирным вареником, она взяла на себя инициативу освободить ее от входа во дворец в первый день нового года, чтобы отблагодарить ее. Если нет ничего важного, императрица точно не будет в такое время призывать её во дворец.

Но если есть что-то важное, младшая Шень Ши должна была сообщить ей заранее, верно?

Если только это не обвинения.

Но в такого рода военные и государственные дела, императрица не была вовлечена, даже если армия разбита, а семейное имущество должно быть конфисковано, достаточно указа, зачем использовать придворный почетный караул, чтобы объявить приказ и просить явиться во дворец? И никаких новостей. Разве что император...

Надев парадное одеяние, Минлань с помощью Сяотао повернулась перед зеркалом, Цуйвей осторожно протянула расшитую бисером корону и уже собиралась надеть ее на Минлань, когда Минлань слегка махнула рукой:

— Эта вещь очень тяжелая, ты должна понести её.

В это время снаружи раздался звук бега, как барабан, и Люйчжи и Сяхе бросились внутрь, задыхаясь:

— Управляющий Хао успокоил евнухов, мы с Сяхе внимательно наблюдали через экран. С ними также была служанка из дворца. Они сказали, что это был приказ императрицы, но мы не знаем их!

Минлань нахмурилась. Это дело довольно зловещее, она знает большинство достойных служанок и евнухов, приближённых к императрице.

— Мягкий паланкин готов, главная госпожа, — старша служанка Цуй вошла внутрь.

Увидев встревоженное лицо старухи, Минлань утешила её, сказав:

— Старшая служанка Цуй, не волнуйся, ты видела, как много страдала, но я всё равно выросла такой большой.

Старшая служанка Цуй почувствовала небольшое облегчение и помогла Минлань медленно выйти из покоев и честь в паланкин. Вокруг была прохладная морось, группа слуг и Минлань прошли в парадный зал внешнего двора.

Встав с паланкина, Минлань медленно направилась в зал, поддерживаемая Люйчжи и Сяотао, скрытая за шестнадцатью ярко-красными веерами. Она смутно видела управляющего Хао, который в глубине зала предлагал чай и закуски.

Согласно тому, что сказала Люйчжи, управляющий Хао взял много серебра, поэтому он был в безопасности.

Минлань наклонилась ближе к вееру и внимательно посмотрела сквозь сетку: от евнуха с

большими ушами с другой стороны до худощавой женщины средних лет и даже ряда дворцовых людей, стоящих сзади, она действительно никого не знала. Может ли это быть ложный вызов? Точно ли это был императорский указ?

Когда она напряженно думала, но безрезультатно, старшая служанка Цуй легко подошла и прошептала ей на ухо:

— Я взяла нескольких швей, чтобы посмотреть, что эти люди носят, чтобы понять, на что они полагаются во дворце.

Минлань снова нахмурилась, на мгновение задумалась и позвала Сяотао, чтобы прошептать несколько слов, затем подняла голову и сказала тихим голосом:

— Передай слово в слово, управляющий Хао поймёт.

Сяотао немедленно выбежала, и через некоторое время Гу Цюань быстро вошел в переднюю и прошептал на ухо управляющему:

— Главная госпожа стоит за веером. Эта группа дворцовых людей фальшивая. Чтобы проверить это, спросите про Хань Шангун, слугу императрицы.

Управляющий Хао спокойно оглянулся, сложил руки перед собой и с улыбкой сказал:

— Евнух Чен, госпожа Хуан, за последние несколько лет в поместье было много императорских указов и наград, но я никогда не видел вас двоих. Я думаю, что во дворце много служащих, и мы не можем с ними всеми познакомиться, так что иногда происходят столь досадные ситуации.

Лицо евнуха изменилось, а затем он улыбнулся и сказал:

— Во дворце слишком много людей, этот служит сегодня, а другой завтра. Указ был передан. Вы не хотите повиноваться?

Управляющий Хао неоднократно повторил, что не посмеет проявить неповиновение, и, улыбаясь, обратился к служанке Хуан:

— Прежде чем придет наша главная госпожа, я вынужден попросить вас передать сообщение Хань Гунлин, личной служанке императрицы. Главная госпожа хотела бы передать лучшую пасту из мушмулы, что у нас есть, мы как раз хотели отправить её: погода то жаркая, то холодная... Если кто-нибудь во дворце заболеет, будет нехорошо... Могли бы они прислать кого-то к воротам, чтобы забрать её?

Служанка даже не шевельнулась.

— Управляющий, перед вами два высокопоставленных служащих из дворца, один по фамилии Лю, другой по фамилии У, зачем бы вам искать Хань?! Не подшучивайте надо мной, поторопитесь и позовите госпожу Гу! Главная госпожа и так задержала нас, такое большое событие! Вы, семья Гу, все умрёте!

Как только прозвучали эти слова, напряжённые нервы Минлань как будто обмякли. Она едва могла стоять. Сяотао помогла ей медленно уйти и вытереть холодный пот, а затем вздохнула с облегчением. Правда, у императрицы нет никого с фамилией Хань, но есть очень благонадежный чиновник. Придворные дамы и евнухи уже признали его. Конечно, это не всегда знают подчинённые, но как эта служанка может не знать, утверждая, что она высокопоставленный служащий?

Если только она вовсе не из императорского дворца! Тогда это... Минлань слегка прищурилась.

Гу Цюань снова побежал в переднюю, чтобы передать сообщение. Управляющий Хао пытался загладить свою вину, но, едва он выслушал сообщение, его глаза загорелись, он повернул голову, рассмеялся и громко сказал:

— Госпожа, я невежественен. Только что сообщили, что пришёл указ из императорского дворца. Вы утверждаете, что вы из дворца, так почему пришёл ещё один указ? Выходит, один из указов ложный?

Выражения лиц обоих людей вдруг изменились, евнух хлопнул по столу, и голос его был пронзителен:

— Ты! Как ты смеешь так клеветать на меня! Стоит выпустить твои честолюбивые кишки! Ты даже не обращаешь внимания на слова из дворца! Если ты осмелился сопротивляться приказу сегодня, ты можешь взбунтоваться завтра!

— Вам двоим не нужно удерживать людей, прикрываясь ложью, — улыбнулся управляющий Хао. Он также являлся известной фигурой снаружи, поэтому он смягчился, когда был напуган. — Мы всё ещё помним о дружбе между младшей Шень Ши и нашей главной госпожой, и знакомы со всеми слугами вокруг императрицы.

Два человека посмотрели друг на друга, и евнух вдруг улыбнулся:

— У управляющего Хао хорошее зрение, мы действительно не из императорского дворца, но этот приказ действительно отдан императрицей, потому что дворец в эти дни занят, прислали меня. Давайте приступим к работе.

Управляющий Хао улыбнулся и спросил, из какого они дворца, но двое мужчин не решались

ясно сказать, они только сказали, что они были обычными дворцовыми людьми. Улыбка исчезла с его лица.

— Вы двое слишком недооцениваете нас. Даже если бы мы были такие же глупые, как свиньи, не поверили бы вам! Правила во дворце строже, чем в доме придворных. Если такая большая группа людей хочет выйти из дворца, то у них должен быть жетон. Сказать подобное — неуважение! Как бы ни была снисходительна императрица, вряд ли она по своей воле отдаст знак своего дворца другим.

Видя, что управляющего Хао было нелегко одурачить, евнух втайне забеспокоился, в этот момент служанка вдруг сказала:

— Мы из дворца вдовствующей императрицы Шэн Ань, статус вдовствующей императрицы всё ещё выше императрицы, вы теперь можно быть уверенным.

Хао Дачэн холодно сказал:

— С чего бы вам беспокоиться об этом? Вам стоило немного поговорить друг с другом, чтобы сопоставить показания, — холодно ответил управляющий Хао. — Хоу сейчас не дома, мы должны более тщательно охранять главную госпожу, как мы можем предать её?

— Тогда что ты собираешься делать?! Сопротивляться указу не получится!

Евнух торопился и кричал высоким голосом.

— Мы должны знать, из дворца вы или нет», — неторопливо сказал управляющий Хао.

Женщина холодно посмотрела на него, медленно достала из рукава черный жетон с золотой нитью и хлопнула им по столу, управляющий Хао наклонился, чтобы посмотреть, это действительно был жетон доступа в императорский дворец; к сожалению, улика быстро исчезла. Женщина убрала жетон, и он не смог разглядеть, какому точно дворцу он принадлежал.

— Мы действительно из дворца, и каждый во дворце — хозяин, — сказала женщина. — Нет ничего плохого в том, чтобы попросить госпожу Гу Хоу прийти.

Управляющий Хао погладил свою бороду и собрался было ответить, как вдруг снаружи раздался шум. Он увидел маленькую служанку, спотыкающуюся и плачущую.

— Главная госпожа, у неё сильно болит живот! Она вся красная! Нам срочно нужен лекарь! Срочно лекарь!

У управляющего Хао внезапно мелькнуло осознание, и он протяжно закричал с паническим лицом:

— А-а-а-а! Недавно лекарь сказал, что состояние главной госпожи нестабильно и теперь что-то случилось! Уже!

Затем он развернулся и заорал на слугу рядом:

— Ты идиот, почему ты оцепенел?! Поторопись и приведи лекаря!

Спohватившись, мальчик побежал, спотыкаясь. Управляющий Хао повернул голову и с извиняющейся улыбкой произнёс:

— Главной госпоже подошло время рожать. Сегодня, или, быть может, через несколько дней. Так что мы не можем гарантировать, что... ох, боюсь, во дворец ей невозможно войти.

Лицо служанки и евнухов были безобразны, они уже собирались начать угрожать как вдруг управляющий Хао повернулся к служанке:

— Поторопись и возвращайся к главной госпоже, лекарь скоро будет здесь. Скажи госпоже не беспокоиться об этом, я поспешу доставить сообщение во дворец. Я думаю, что хозяева дворцов все добрые, и они не станут намеренно отбирать жизнь матери и ребёнка во время родов.

Маленькая девочка, казалось, была в ужасе. Она спешно утёрла слёзы и побежала обратно. Когда она вошла в комнату, на её лице не было никаких признаков плача или паники.

— Сестрица Сяотао хотела натереть меня луком, но я сказала нет. Я и без того так много плакала, что всех там напугала!

— Ты ещё можешь красоваться! Скажи, в чем дело?! — Люйчжи втащила её в комнату.

Цуйсю пошла по стопам Сяотао.

— Ничего такого, я просто сделала, что велено. О, управляющий Хао сказал, что лекарь скоро будет здесь, — наивно, но не глупо ответила она.

Люйчжи встревожено подскочила. Позвать доктора!..

— Почему ты кричишь на неё? — рассмеялась Минлань. — Я попросила её сыграть пьесу, и она вернулась, выполнив указания.

Люйчжи посмотрела на маленькую Цуйсю, беспомощно вздохнула и повела её есть фрукты.

Старшая служанка Цуй и Цуйвей сняли с Минлань верхнее платье, собрали её волосы в простой пучок, сняли туфли и носки. Спустя долгое время Минлань вновь легла на кровать, она чувствовала боль и слабость во всём теле, её икры пульсировали.

— Главная госпожа, в чём же дело? — спросила старшая служанка Цуй. — В конце концов, это были люди вдовствующей императрицы.

— Вдовствующая императрица — это вдовствующая императрица, но есть разница между вдовствующими императрицами Шен Ань и Шен Де, — потеряв виски, тихо ответила Минлань. — Она даже не считается мачехой.

— А, это были люди от вдовствующей императрицы Шен де! — удивилась старшая служанка Цуй. — У нас никогда не было с ней вражды, так почему же она смущает госпожу?

— Да-да, — пробормотала себе под нос Минлань. — Она и впрямь смущает меня. Старушка хочет развлечь людей. Если она попросит меня войти и постоять два часа на коленях, да даже полчаса, даже если император и императрица придут на помощь, мне, боюсь, всё равно будет плохо. Жизнь важнее всего и безопасность на первом месте. Однако, даже если эта воля истинна, я не могу ей подчиниться. В худшем случае, мне придётся подать прошение в императорский суд в будущем. Короче говоря, я не позволю им воспользоваться этим отказом в будущем...

Сяотао внезапно вбежала внутрь с красными щеками, за ней вошла Люйчжи, она была очень зла и пыталась её остановить.

— Больно, отпусти! — Сяотао стряхнула её с себя и, отдышавшись, подошла к Минлань. — Управляющий Хао уже отослал этих людей. Они ушли, говоря, что поместье хоу вот-вот взбунтуется! И что главная госпожа должна выйти! Я была в ужасе, но управляющий не боялся, чем больше он говорил, тем твёрже отстаивал свою позицию. В конце концов, у них не осталось выбора, и они ушли.

Минлань скривила рот, услышав это. Она задала ещё несколько вопросов, чтобы узнать о том, как евнух и женщина вышли из себя и начали угрожать. Сяотао подробно рассказала ей всё и, наконец, Минлань похвалила её.

— Управляющий Хао хороший человек, но в этот раз в деле замешан императорский указ, — добавила она. — Это действительно сложно.

Слуги из внутреннего дворца, посещающие придворных, чтобы объявить императорский указ, слишком наглые и высоко задирают голову. Если кто-то посмеет сопротивляться указу, его обвинят в неуважении. Вернувшись во дворец, они исказят ситуацию, чтобы наказание было суровей. Но прежде, чем вернуться, они будут долго насмехаться.

В отличие от этих двоих, что будто торопились, словно должны уехать.

— Они торопились и перед тем, как уйти, сказали нам подождать и посмотреть, — добавила Сяотао.

— Просто подожди и увидишь! — холодно и презрительно фыркнула Минлань.

Только у императора есть право издавать императорские указы и распоряжаться императорской стражей, которая может арестовывать преступников и обыскивать дома. Пока это вдовствующая императрица, она должна вначале подать в суд, чтобы император рассмотрел дело и приказал арестовать виновника. Гарем не имел военной мощи.

Но если эта воля была ложна... хе-хе...

«О нет!»

Улыбка слетела с её лица. В голове у Минлань зазвенел тревожный колокольчик, она резко села и, ударив по подушке, закричала:

— Быстрее! Сяотао, Люйчжи, быстрее! Скажите управляющему Хао отправить доверенное лицо к Лю Чженцзе и рассказать ему о случившемся, а затем отправьте людей в каждый дом, и скажите им не входить во дворец!

— Кому? — Сяотао и Люйчжи были ошеломлены.

— Семья генерала Дуана, семья дяди Шеня, семья гун Ина, семья Бо, семья Чжун, семья Гэн, семья Фу... Давайте начнем с этих нескольких семей, а о других я расскажу, когда о них подумаю, — сказала Минлань и снова упала на кровать.

Две девушки поспешили исполнить приказ.

— Главная госпожа, что происходит? — увидев полное паники лицо Минлань, дрожащим голосом спросила старшая служанка Цуй.

— Старшая служанка Цуй, ты всё ещё помнишь восстание Шень Чжен? — серьёзно спросила Минлань. — В том году также обманом заманили во дворец многих членов семей важных людей.

Глаза старшей служанки Цуй в одно мгновение расширились, и она закричала:

— Ни за что!

— Хотела бы я, чтобы это просто осталось моими пустыми домыслами.

Минлань устало облокотилась на изголовье кровати, крепко обхватила руками живот и ощущала, как тихо под ладонями шевелится ребёнок.

«На этот раз ребёнок в моём животе очень хорош, никогда не брыкается и не двигается, как толстяк Туань, и протестует только тогда, когда чувствует себя некомфортно, в будущем он должен быть тихим и разумным ребенком», — подумала она. — «Я только надеюсь, что когда он или она родится, в мире будет мир и больше не будет беспорядков».

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1876492>